

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-1-31-40>

EDN: <https://elibrary.ru/gxqbn1>

НИОН: 2003-0059-1/24-943

MOSURED: 77/27-003-2024-01-142

Теоретические модели уголовно-процессуальной интеграции новых регионов

Леонид Витальевич Головкин

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, depgrp@law.msu.ru

Аннотация. Вхождение в состав Российской Федерации Республики Крым и города федерального значения Севастополь в 2014 г., Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей в 2022 г. поставило проблему уголовно-правовой и уголовно-процессуальной интеграции данных регионов в российскую правовую систему. Эта нормативная проблема была с теоретической и практической точек зрения решена главным образом в 2014 г. с принятием крымско-севастопольской модели интеграции. Однако до того, как выработать данную модель, необходимо было найти адекватный сравнительно-правовой опыт.

Ключевые слова: уголовное право, уголовный процесс, интеграция, государство, новые регионы, модель

Для цитирования: Головкин Л. В. Теоретические модели уголовно-процессуальной интеграции новых регионов // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 1. С. 31–40. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-1-31-40>. EDN: GXQBNI.

Original article

The theoretical models of the criminal procedure's integration of the new regions

Leonid V. Golovko

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, depgrp@law.msu.ru

Abstract. The entry of the Republic of Crimea and the federal city of Sevastopol into the Russian Federation in 2014 and of the Donetsk and Lugansk people's republics, the Zaporozhye and Kherson regions in 2022 poses a problem of the criminal and criminal procedure's integration of these regions on the Russian legal system. This normative problem was resolved from the theoretical and practical point of view essentially in 2014 with the adoption of the Crimea-Sevastopol's model of integration. However, before elaborating this model it was necessary to find the adequate comparative cases.

Keywords: criminal law, criminal procedure, integration, state, new regions, model

For citation: Golovko L. V. The theoretical models of the criminal procedure's integration of the new regions. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(1):31–40. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-1-31-40>. EDN: GXQBNI.

Исторические события, связанные с вхождением в состав Российской Федерации новых регионов — Республики Крым и г. Севастополя в 2014 г., ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей в 2022 г., поставили ряд уголовно-правовых и уголовно-процессуальных проблем. В самом общем виде они сводились к необходимости концептуального решения задачи по переводу всех существовавших (расследовавшихся, рассматривавшихся, исполнявшихся) или гипотети-

ческих (способных приобрести процессуальные формы в дальнейшем) производств по уголовным делам из одной правовой системы, утрачивавшей властный контроль над соответствующими регионами (в данном случае украинской), в другую правовую систему, такой контроль приобретающую (в данном случае российскую).

Откровенно говоря, в теоретическом плане решать данную задачу пришлось, главным образом, в

2014 г., поскольку к 2022 г. апробированная и доказавшая свою адекватность концептуальная модель уже существовала. Но ее выработка далась в свое время с немалым трудом, поскольку в 2014 г. пришлось действовать фактически «с чистого листа». Если говорить конкретнее, то сразу же после конституционно-правового оформления вхождения с 18 марта 2014 г. Крыма и г. Севастополя в состав Российской Федерации перед правоприменителем и законодателем возник целый ряд труднейших вопросов в сфере уголовной юстиции. Что делать с преступлениями, совершенными до 18 марта 2014 г., если о них станет известно после этой даты (те самые гипотетические уголовные дела, способные приобрести процессуальную форму впоследствии), и какое законодательство применять при их расследовании и рассмотрении? Что делать с уголовными делами, производство по которым уже начато до 18 марта 2014 г. по законодательству Украины, включая уголовные дела, по которым соответствующие лица находились к этой дате под стражей? Что делать с осужденными, отбывавшими наказание на территории Крыма и г. Севастополя по приговорам, вынесенным судами Украины до 18 марта 2014 г.?

Ясно также, что в сложившихся в тот момент геополитических условиях рассчитывать на какое-либо содействие Украины в порядке международного сотрудничества по уголовным делам (передача ее органам уголовной юстиции начатых производств, передача ей осужденных для продолжения отбывания наказания за пределами Крыма и г. Севастополя и т. п.) не представлялось возможным. Не менее очевидной была недопустимость какого-либо «обнуления» всех ранее совершенных преступлений, начатых производств по уголовным делам, исполнявшихся приговоров и т. д., т. е. всего уголовно-правового и уголовно-процессуального «наследия» Украины, в порядке тотальной амнистии или тотального помилования. Во-первых, это вряд ли нашло бы понимание у жителей Крыма и г. Севастополя, потерпевших и родственников потерпевших, особенно в случае с тяжкими и особо тяжкими преступлениями, что неизбежно породило бы крайне негативный политический эффект от подобного «милосердия», мало совместимого с идеей справедливости. Во-вторых, не стоит забывать, что Крымский полуостров является относительно замкнутым географическим пространством, и любой одномоментный массовый выход на свободу лиц, совершивших тяжкие, особо тяжкие преступления, да и подчас преступления иных категорий, способен резко ухудшить криминогенную ситуацию в регионе, обрушить и без того хрупкий в тот момент социальный мир. Другими словами, никаких «альтернативных» вариантов не было и даже не просматривалось, задачу требовалось решать концептуально, беря на себя ответственность за остатки украинской уголовной юстиции в Крыму и г. Севастополе. Ко всему прочему делать это надо было юридически точно еще и в силу того, что Россия

в тот момент оставалась членом Совета Европы и находилась под юрисдикцией ЕСПЧ, пристально наблюдавших за ситуацией, что лишало права на малейшую ошибку.

Именно тогда, причем в условиях крайнего цейтнота, было решено для начала попытаться обратиться к *сравнительно-правовому опыту*, что лишний раз показывает колоссальное практическое значение сравнительного правоведения для решения не только фундаментальных, но подчас и сугубо прикладных задач, имеющих к тому же крайне актуальное политическое значение. Существуют ли релевантные ситуации сравнительно-правовые прецеденты решения задачи по переходу из одной национальной системы уголовной юстиции в другую? Понятно, что ни на какие международные рекомендации, к которым так привыкли за последние три десятилетия постсоветские юристы, мысля в категориях не столько активного правотворчества, сколько пассивной имплементации подготовленных вовне правовых шаблонов, в данном случае рассчитывать не приходилось. Адекватный сравнительно-правовой опыт, если таковой существует, нужно было искать самим.

Имели место и две другие методологические трудности. Во-первых, переход контроля над территорией от одного государства к другому (со всеми уголовно-процессуальными последствиями) возникал в мировой истории постоянно, но почти никогда не сопровождался специальными уголовно-процессуальными институциональными решениями по переходу из одной национальной системы уголовной юстиции в другую, просто уничтожая прежнюю систему на корню. Характерным примером является Великая Отечественная война, в ходе которой по мере продвижения Красной Армии на Запад и освобождения оккупированных территорий, где, разумеется, действовало в течение определенного времени какое-то оккупационное уголовное и уголовно-процессуальное «право» германского происхождения, никто даже не задумывался о том, как с ним быть, — предыдущая власть просто-напросто физически уничтожалась и юридически аннигилировалась, не оставляя после себя ни малейших легитимных институциональных следов.

Во-вторых, даже если в каких-то случаях специальное уголовно-правовое и уголовно-процессуальное регулирование и появлялось, то оно крайне редко находило доктринальное осмысление и почти никогда не концептуализировалось, возможно, в силу чувствительности данного вопроса, возможно, в силу его конъюнктурности (на первый взгляд), возможно, по другим причинам, которые сами по себе любопытны и заслуживают анализа, но нас здесь интересуют в малой степени. В результате, при всем богатстве исторического процесса большинство случаев институционального перевода одной национальной системы уголовной юстиции в другую, даже когда таковой иногда и имел место, остаются в доктринальном плане, если угодно,

«латентными», не получив какого-либо отражения ни в литературе, ни в теории уголовного судопроизводства, что крайне затрудняет их изучение.

Таким образом, столкнувшись в 2014 г. с соответствующей проблемой в Крыму и г. Севастополе, российский законодатель и те специалисты, которые оказывали ему в этом плане интеллектуальную поддержку, оказались перед необходимостью в кратчайшие сроки обнаружить адекватные сравнительно-правовые примеры, отобрать те из них, которые оставили какие-либо доступные доктринальные или нормативные следы, изучить примененные уголовно-правовые и уголовно-процессуальные подходы к переводу остатков системы уголовной юстиции одного государства, утратившего властный контроль над территорией, в систему уголовной юстиции другого государства, принявшего на себя такой контроль, концептуализировать их и принять решение, по какому пути следует идти, и в какой мере имеющийся опыт для нас релевантен.

В целом, удалось найти лишь два *a priori* интересных сравнительно-правовых примера, в рамках которых *mutatis mutandis* решалась аналогичная или почти аналогичная задача, и которые оставили более или менее заметный след в уголовно-процессуальной науке.

Первый пример касается возвращения во Францию в 1919 г. по итогам Первой мировой войны Эльзаса и примерно половины Лотарингии, находившихся до этого в течение 49 лет (1870–1919) под властью Германской Империи, получившей ее в результате Франко-прусской войны. Поскольку речь идет о территории, охватывавшей оба департамента Эльзаса (Верхний Рейн и Нижний Рейн) и лишь один департамент Лотарингии — Мозель с центром в г. Мец (второй лотарингский департамент Мёрт-и-Мозель с центром в г. Нанси оставался во Франции), то данную политическую и правовую ситуацию принято называть во Франции проблемой «Эльзаса — Мозеля» [например: 7, с. 57]¹, чему мы и будем следовать. **Второй пример** связан с присоединением к ФРГ восточногерманских земель, составлявших территорию бывшей ГДР, которое в повседневном и политическом дискурсе почему-то именуют «объединением Германии», хотя в правовом плане никакого объединения не произошло, его возможность, как мы увидим далее, лишь обсуждалась, но реализована не была. Государство осталось прежним (ФРГ), как и его конституционно-правовые основы, лишь включив новые регионы на Востоке. Эти регионы ранее входили в состав существовавшей в разных правовых формах исторической Германии, но никогда не относились к образованной уже после

Второй мировой войны ФРГ как таковой. Рассмотрим последовательно оба этих примера в интересующем нас ключе.

1. Эльзас и Мозель

Историческая канва событий прекрасно известна, включая так называемый Договор о перемирии от 11 ноября 1918 г., завершивший Первую мировую войну фактически, и Версальский мирный договор от 28 июня 1919 г., окончательно подведший ее итоги юридически, в том числе возвращение во Францию после многих десятилетий пребывания в Германии обоих департаментов Эльзаса и департамента Мозель (Лотарингия). Также относительно неплохо известен и часто упоминается в литературе [например: 7, с. 57; 1, с. 336] французский Закон о переходном периоде в Эльзасе и Лотарингии² от 17 октября 1919 г., создавший так называемый «эльзасско-мозельский правовой партикуляризм», не преодоленный до сих пор и затрагивающий не только уголовное право и процесс, но всю правовую систему в целом, где применяется любопытный симбиоз французских и немецких (причем часто в самой Германии уже не действующих) правовых норм.

Много менее известны [1, с. 336]³ два декрета от 25 ноября 1919 г., изданных на основании Закона от 17 октября 1919 г. и специально регулирующих сферу уголовного права и процесса: 1) Декрет о введении французских уголовных законов в департаментах Мозель, Верхний Рейн и Нижний Рейн; 2) Декрет о временном применении в Эльзасе и Лотарингии отдельных положений действующего (т. е. немецкого — Л. Г.) уголовного законодательства. Данные декреты вступили в силу 29 ноября 1919 г. и до сегодняшнего дня остаются в силе, т. е. временное применение немецких норм в соответствии со вторым из них, будем откровенны, несколько затянулось.

Если не вдаваться в детали, то выработанная французами эльзасско-мозельская модель предусматривала одновременное применение в течение неопределенного времени как французского, так и немецкого уголовного законодательства, причем применительно к деяниям, совершенным не только до, но и после 29 ноября 1919 г. В более конкретном плане она покоилась на трех взаимодополняющих друг друга положениях:

А. В целом, в материально-правовом плане применению подлежало французское уголовное право, причем независимо от даты совершения преступного деяния (до или после 29 ноября 1919 г.). Если речь шла о деяниях, совершенных до указанной даты, то не-

¹ Более того, использование во Франции словосочетания «Эльзас-Лотарингия» было официально запрещено правительственной директивой от 14 августа 1920 г., чтобы не путать вновь присоединенный департамент Лотарингии (Мозель) и тот ее департамент (Мёрт-и-Мозель), который оставался в составе Франции и в период с 1870 по 1919 гг. [6, с. 857].

² До 14 августа 1920 г. соответствующие нормативно-правовые акты упоминали именно о Лотарингии, а не о Мозеле, хотя словосочетание «Эльзас и Лотарингия» юридически действовало во Франции в интересующем нас контексте очень недолгое время, будучи официально заменено, как отмечено ранее, словосочетанием «Эльзас и Мозель».

³ Это единственный известный нам источник, где они подробно разбираются (с учетом не совсем точного перевода на русский язык в названии первого из упомянутых декретов эльзасских географическо-административных наименований).

мецкие наказания (подлежавшие назначению или исполнению) подлежали конвертации в наказания французские в соответствии со специально разработанной «таблицей соответствий» [1, с. 336], которая должна была быть у каждого судьи. При этом действовал принцип запрета поворота к худшему, предполагавший применение наименее строго наказания (немецкого или французского), которое даже в первом случае (если таковым являлось немецкое наказание) конвертировалось в смягченном варианте во французское наказание на основании «таблицы соответствий».

Б. Немецкие уголовно-правовые нормы продолжали действовать по двенадцати исчерпывающе перечисленным во втором Декрете направлениям в качестве их санкционирующего обеспечения, причем опять-таки независимо от даты совершения преступного деяния (как до, так и после 29 ноября 1919 г.). К числу таких направлений относились: 1) здравоохранение; 2) образование; 3) трудовые правоотношения; 4) режим религиозных культов и др. [полный перечень: 1]. В результате неизбежной последующей систематизации данных норм на территории Эльзаса и Мозеля возник даже особый региональный источник французского уголовного права — Уголовный кодекс Эльзаса и Мозеля как часть более общего Кодекса локального права Эльзаса и Мозеля, действующего и в наши дни [новейшее доктринальное переиздание: 5]. По сути, речь, главным образом, идет о сохранении в рамках современного французского права «осколка» старого немецкого права, в том числе в сфере уголовного права и процесса, хотя нынешняя общеевропейская политкорректность иногда видит в этом исключительно проявление местных особенностей, развитие локального регулирования и т. п., предпочитая забывать об их связи с историческим немецким правом, Франко-прусской войной, Первой мировой войной и т. д. [5, презентация].

В. В уголовно-процессуальном плане французские суды во всех случаях, в том числе, когда речь шла о сохранении действия немецкого уголовного права, должны были применять французское уголовно-процессуальное законодательство, но за одним исключением — институтом уголовного приказа (*strafbefehl*), который по-прежнему должен был сопровождать соответствующие немецкие уголовно-правовые нормы. Напомним, что аналогов у данного института в то время во Франции не имелось, они появились лишь во второй половине XX столетия (Закон 1972 г. [подробнее: 8, с. 511]), представляя собой упрощенную форму уголовного судопроизводства, где нет полноценного судебного разбирательства. Видимо, французскому законодателю показалось тогда, что в процессуальном плане конвертировать многочисленные немецкие уголовно-правовые запреты в ткань французского уголовного судопроизводства не удастся, в связи с чем и понадобился немецкий процессуальный институт уголовного приказа. Как бы то ни было, но француз-

ские уголовные суды не были на территории Эльзаса и Мозеля полностью освобождены от необходимости применять немецкое уголовно-процессуальное право.

В результате, уголовно-правовая и уголовно-процессуальная интеграция новых французских регионов во французскую правовую систему была построена на концепции *регионального партикуляризма*, что объяснялось, как минимум двумя причинами: исторической и геополитической. В *историческом плане* партикуляризм был всегда характерен для данного региона, в культурном и правовом отношении издавна находившегося «на стыке» Франции и Германии. Еще Людовик XIV восклицал когда-то: «Ничего не трогайте в Эльзасе» [цитата по 6, с. 857]. Полностью лишить эльзасское право региональных особенностей не удалось ни французским якобинским унификаторам, ни затем германским имперским властям в ходе пребывания Эльзаса и Мозеля в составе Германии, когда, в свою очередь, сохранялись многие французские правовые нормы [6, с. 857–858]. Стоит ли удивляться, что этого не пытались сделать и французские власти в 1919 г., много более слабые политически? Поэтому крайне удивляет утверждение, что Франция, не раз сталкивавшаяся до этого с «необходимостью обеспечить переходный период в применении уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства на вошедшей в ее состав территории» опиралась в данном случае на «предшествующий опыт», т. к. конструкции эльзасско-мозельской модели образца 1919 г. «интегрировали результаты предыдущих попыток» [1, с. 336]. На самом деле, все наоборот. Франция действительно нередко расширяла свою территорию и сталкивалась с указанной необходимостью. Но никакого регионального партикуляризма она в такой ситуации не сохраняла. Например, при присоединении к Франции в 1860 г. Савойи, ранее входившей в состав королевства Пьемонт-Сардиния (или Сардинского королевства), прежнее пьемонт-сардинское законодательство было просто и безоговорочно заменено на французское без малейших намеков на оставление каких-либо локальных особенностей [6, с. 859]. Так что Эльзас и Мозель — это особый случай, связанный с историческими нюансами развития исключительно данного региона.

В *геополитическом плане* все еще проще. Обязательное сохранение в ходе реинтеграции в состав Франции Эльзаса и Мозеля элементов действовавшего там немецкого права в виде неких «локальных особенностей» было непреложным условием, выработанным в ходе непростого обсуждения положений Версальского договора [6, с. 859]. Иначе говоря, такова была воля союзников Франции, прежде всего США и Великобритании, и для Франции в этом плане, строго говоря, особого выбора не существовало. Видимо, усиливая Францию после Первой мировой войны присоединением спорных территорий, союзники одновременно хотели несколько ослабить ее контроль над

Эльзасом и частью Лотарингии, навязывая Франции под видом «региональных особенностей» остатки немецкого права и не давая возможности полностью от них избавиться.

В целом, эльзасско-мозельскую систему **можно назвать** моделью дуализма, когда в присоединенных к государству новых регионах, ранее находившихся под властью другого государства, одновременно действуют уголовное право и иногда, хотя и в меньшей степени, уголовно-процессуальное право *обоих государств*. Именно данная модель активно предлагалась для Крыма и г. Севастополя в период разработки Федерального закона от 5 мая 2014 г. некоторыми российскими авторами, настаивавшими на необходимости применения «принципа временного сосуществования российского и украинского уголовного права» с прямой отсылкой к эльзасско-мозельскому образцу [2] и даже разработавшими аналогичную «таблицу соответствий» [1, с. 341]. Справедливости ради, следует добавить, что речь шла о действии дуализма («принципа временного существования») «только в том, что касается материального уголовного права», поскольку «подчинение уголовно-процессуального законодательства тому же принципу было бы нецелесообразным» [1, с. 341].

Однако даже в таком, сведенном исключительно к материальному уголовному праву, виде с подобным предложением согласиться было нельзя. Вопрос даже не в чрезмерной универсализации данной модели, когда исторически и политически обусловленный эльзасско-мозельский партикуляризм (ситуация *sui generis*) выдавался едва ли не за единственно возможный вариант, что совершенно неверно, да еще и «успешно апробированный в процессе правоприменения» [1, с. 338], что, как минимум, спорно. Дуалистическая модель должна была быть отвергнута, прежде всего, по причине тех рисков, которые она всегда несет для «принимающей» правовой системы, в данном случае системы российской. Такие риски являются как политическими, так и юридическими.

В *политическом* плане прямое указание в российском законе на обязанность органов уголовной юстиции по применению украинского законодательства на территории Крыма и г. Севастополя означала бы неизбежное ослабление государственно-правового контроля за этой территорией, поскольку ставило бы российские судебные и правоохранительные органы в прямую или косвенную зависимость от иностранного, к тому же уже в тот момент недружественного, государства. Нельзя также не учитывать динамический характер любого законодательства и его толкования. *Во-первых*, как следовало бы реагировать, например, на ретроактивные действия украинских властей по отмене или изменению каких-то уголовных законов? Начинать их немедленно исполнять? Но это и есть та самая зависимость от иностранного государства. Во-вторых, остается неясным, должны ли были россий-

ские правоприменительные органы применять украинское уголовное законодательство изолированно или в совокупности с разъяснениями украинских высших судов, решениями украинского органа конституционной юстиции и т.п.? Первое вряд ли легитимно (если мы уж сослались на обязанность применять иностранное уголовное законодательство, то не можем игнорировать и его иностранное толкование), а второе немыслимо политически. В конце концов, вопрос о применении права вовсе не случайно решался когда-то в случае с Францией и Германией при обсуждении Версальского договора. Это подчеркивает его очевидное политическое и даже геополитическое измерение.

В *юридическом* плане опыт Эльзаса и Мозеля доказывает, что в праве редко случается что-то «временное», заложенные в 1919 г. проблемы до сих пор являются для Франции крайне острыми, провоцируя проблемы, о которых, скорее всего, даже не задумывались столетие назад архитекторы дуалистической модели. Так, в 2015 г. во французской «Официальной газете» (*Journal officiel*), в отделе Сената, был опубликован официальный запрос в Парламент от одного из жителей департамента Мозель (в рамках института обращения к депутату), что в соответствии с французским законодательством требует столь же официального ответа от соответствующего министра, который, в свою очередь, публикуется. В запросе ставится проблема действия на территории Эльзаса и Мозеля уголовно-правового запрета богохульства, унаследованного из УК Германии 1871 г. в рамках введенной в 1919 г. дуалистической модели и противоречащего французским конституционным положениям о свободе слова и СМИ, что создает ситуацию правовой неопределенности, тем более что в практике имеют место случаи применения данной нормы, в частности, в 2013 г., когда на нее ссылались в своей жалобе Лига судебной защиты мусульман. В ответе министра юстиции подтверждается формальное действие данной уголовно-правовой нормы, но отмечается, что она не подлежит применению, поскольку имеется решение Конституционного Совета Франции о невозможности применения правовых норм, официально не опубликованных на французском языке, а УК Германии 1871 г. на французском языке никогда не публиковался [подробнее: 9]. Вряд ли данная переписка свидетельствует об успешном функционировании дуалистической модели, не говоря уже о поставленной в ней острейшей конституционно-правовой проблеме языкового аспекта легитимности действия норм иностранного уголовного права на территории другого государства. Не менее характерным примером является также опубликованный в «Официальной газете» в 2003 г. запрос другого жителя Мозеля о действии в Эльзасе и Мозеле специальных положений о декларировании в мэрии смены места жительства (нечто вроде института «прописки»), отсутствующих в других регионах Франции и предусматривающих к тому же уголовно-правовую

санкцию за их неисполнение. Официальный ответ министра внутренних дел убежденностью в правовой позиции не впечатляет. В нем он подтверждает действие специальных региональных постановлений 1883 г., принятых в Эльзасе и Мозеле в эпоху Германской Империи, затем отмечает отмену изначальных уголовно-правовых санкций за их нарушение декретом от 25 ноября 1919 г., при этом делает оговорку, что в таком случае может гипотетически применяться общая французская уголовно-правовая норма об уголовной ответственности в виде штрафа за нарушение обязанностей, установленных под страхом наказания региональными властями (ст. R. 610-5 УК Франции), но в конечном итоге высказывает предположение, что «у него нет уверенности», что санкционирование неисполнения постановлений 1883 г. соответствовало бы современной практике Конституционного Совета Франции, в частности, его решению от 12 июля 1979 г. о конституционно-правовой значимости принципа свободы передвижения. В результате, по мнению министра, действующая в Эльзасе и Мозеле специальная обязанность не подкрепляется более уголовно-правовыми санкциями за ее неисполнение [подробнее: 10]. Апофеозом правовой определенности данный ответ точно не является, в очередной раз демонстрируя скорее все те уголовно-правовые сложности, с которыми столкнулась и даже век спустя сталкивается Франция в рамках интеграции на основе дуализма вновь обретенных после Первой мировой войны регионов. Образцом для подражания для Крыма и г. Севастополя данный опыт точно не являлся.

II. ФРГ и восточногерманские земли

В отечественной литературе новейший германский опыт уголовно-правового расширения территории ФРГ, поглотившей в конце XX столетия ГДР со всем ее уголовно-правовым и уголовно-процессуальным наследием, иногда принято ставить в один ряд с моделью Эльзаса и Мозеля, что особенно характерно для сторонников модели дуализма. Дескать, речь идет о единой «схеме, предложенной французскими и немецкими законодателями» [1, с. 338], принципиальной разницы между Эльзасом с Мозелем и ФРГ с ГДР в интересующем нас аспекте якобы нет. На самом деле, это, конечно, не так. В последнем случае имела место совершенно иная модель уголовно-правовой и уголовно-процессуальной интеграции в государство новых регионов, ранее находившихся под властью другого государства.

Начать следует с того, что никакого «объединения» Германии» (или Германий) в юридическом плане на самом деле не произошло. Такой вариант конституционного развития, действительно, обсуждался, когда в первой половине 1990 г. оставались открытыми вопросы «о сроке государственного воссоединения и о том, произойдет ли оно путем вступления ГДР в ФРГ согласно ст. 23 Основного закона ФРГ или через создание новой совместной конституции» [4, с. 135]. Но ни-

какой новой конституции, как известно, не возникло, как и нового государства: так называемый «договор об объединении» (или точнее о «восстановлении единства») от 31 августа 1990 г., невзирая на свое наименование, содержит лишь положения о присоединении к ФРГ районов бывшей ГДР в порядке ст. 23 Основного закона ФРГ. Термин «присоединение», к слову переводимый на французский как *annexion*, в политическом, общественном или пропагандистском смысле можно толковать как угодно, но в смысле юридическом он никак не свидетельствует о создании нового объединенного государства — государство осталось прежним (ФРГ), как и его конституционно-правовая форма, лишь расширив свою территорию на Восток.

Политическое решение вопроса немедленно сказало и на модели уголовно-правовой и уголовно-процессуальной интеграции новых земель в правовую систему ФРГ. Если на первых порах, когда конституционно-правовая конструкция еще была не ясна («объединение» или «присоединение»), идея «простого перенесения всего Уголовного кодекса ФРГ на территорию ГДР преимущественно отвергалась, и подчеркивалась целесообразность сохранения в будущем регулирующих положений ГДР по понятию преступления и вины, по вопросам мелкой преступности, по рассмотрению вопросов общественными судами» [4, с. 135], не говоря уже о неясности кодификационного вопроса (продление действия обоих УК, принятие нового общего УК, постепенное распространение действия УК ФРГ на территорию ГДР), что позволяло утверждать о предстоящем «сосуществовании различных уголовно-правовых норм (ФРГ и ГДР — Л. Г.)» [4, с. 136] в духе модели дуализма, то завершилось все, по выражению известного немецкого профессора А. Эзера, «капитуляцией уголовного права ГДР», впрочем, по его же мнению, «вполне политически оправданной» [4, с. 137] и, добавим от себя, политически в тех условиях неизбежной. Точно такая же ситуация сложилась и в сфере уголовно-процессуального права, где уголовное судопроизводство ГДР, поначалу лишь подлежавшее реформированию [4, с. 136], было полностью заменено в восточных землях уголовным судопроизводством ФРГ.

Дополнительным политическим и юридическим фактором, который следует учитывать в интересующем нас немецком казусе, является феномен так называемого интерлокального права. До заключения в 1972 г. Основополагающего договора об отношениях между ФРГ и ГДР, вступившего в силу в 1973 г., территория ГДР рассматривалась правовой системой ФРГ в качестве своей внутренней национальной территории, в том числе в уголовно-правовом и уголовно-процессуальном плане, что и приводило к необходимости применения при рассмотрении уголовных дел о преступлениях, совершенных на территории ГДР, этих самых «интерлокальных положений». Лишь после 1973 г. юстиция ФРГ стала юридически рассматривать

территорию ГДР в качестве иностранной со всеми вытекающими правовыми и международно-правовыми последствиями [3, с. 411]. Следовательно, для ФРГ уголовное право и процесс ГДР существовали лишь в краткий исторический отрезок с 1973 по 1990 гг., до этого их словно не было.

В целом, избранный механизм уголовно-правовой и уголовно-процессуальной интеграции в ФРГ новых восточногерманских регионов, в отличие от эльзаско-мозельского варианта и вопреки приведенным ранее утверждениям российских авторов, следует признать моделью монизма, когда применяется уголовное и уголовно-процессуальное законодательство только одного государства — принимающего на себя власть на соответствующей территории, пусть и в случае с ФРГ с небольшими оговорками. Все эти оговорки, в целом, связаны с реализацией принципа запрета поворота к худшему, который на самом деле был проведен в данном случае лишь частично, что являлось отражением откровенной *политизации уголовной юстиции*.

Так, по общему правилу к деяниям, совершенным как до 3 октября 1990 г., когда вступил в силу Договор об «объединении» от 31 августа 1990 г. (на самом деле, как указано выше, в период с 21 июня 1973 г. по 3 октября 1990 г.), так и после этой даты, подлежало применению исключительно уголовное и уголовно-процессуальное право ФРГ. Исключение составляли лишь три случая, каждый из которых был связан с реализацией либо запрета поворота к худшему, либо противоположного принципа намеренного сохранения криминализации действий лица, прежде всего, по политическим соображениям, для чего требовалось уголовное законодательство ГДР.

Если говорить конкретнее, то, *во-первых*, уголовное законодательство ГДР продолжало действовать при одновременном наличии двух условий: 1) существования соответствующего запрета и в уголовном праве ФРГ; 2) если уголовное право ГДР представляло собой «менее строгий закон» [3, с. 412]. Здесь мы видим реализацию принципа запрета поворота к худшему, исключающему возможность наказуемости деяния по уголовному праву ФРГ в силу наличия в нем более строгих санкций¹.

Во-вторых, действие уголовного права ГДР было

сохранено и для политически оправданных в глазах властей ФРГ случаев уголовного преследования должностных лиц или военнослужащих бывшей ГДР за деяния, совершенные ими в период существования данного государства (применение оружия на границе двух государств пограничниками ГДР, хищение, должностное злоупотребление доверием и др.) [3, с. 139]. Ясно, что уголовное право ФРГ не давало оснований для уголовного преследования, например, должностных лиц или военнослужащих, совершивших злоупотребление против интересов иностранного государства (ГДР). Требовалось локальное сохранение едва ли не *ad hoc* действия уголовного законодательства ГДР, что стало, будем откровенны, далеко не безупречным решением. Как с горечью отмечал профессор А. Эзер: «Как бы политически оправдано ни было стремление не оставить безнаказанными тяжкие злоупотребления государственной властью бывшими руководителями ГДР, эта цель не должна достигаться противоправными средствами. Практическая реализация отдельных дискриминационных законов о выборочном преследовании определенных преступников не была бы хорошим началом юридически безупречного преодоления прошлого» [4, с. 140].

Наконец, *в-третьих*, особую, причем не только юридическую, но и политическую проблему, представляло собой законодательство в части уголовной ответственности за прерывание беременности, много более либеральное в тот момент в ГДР по сравнению с ФРГ. Речь шла о случае *sui generis*, который оказался столь сложным, что привел к бурным общественным дискуссиям, вызвал крайнее беспокойство у жителей восточных земель и «едва не привел к срыву Договора о воссоединении Германии» [3, с. 413]. Не будем вдаваться в тонкости данного вопроса, достаточно подробно освещенного в литературе [например: 4, с. 136–137; 3, с. 413–415]. Отметим лишь, что здесь сохранение в определенных пределах действия уголовного права ГДР являлось откровенной политической уступкой ее жителям, причем едва ли не единственно значимой.

Таким образом, ситуация с уголовно-правовой и уголовно-процессуальной интеграцией в ФРГ восточногерманских регионов выявила модель монизма, противостоящую эльзаско-мозельской системе дуализма, но с крайне непоследовательно проведенным принципом запрета поворота к худшему и откровенной политизацией некоторых институциональных решений. Опирались на нее в полной мере также было нельзя. Требовалось найти для Крыма и г. Севастополя собственное решение, но, разумеется, с учетом позитивных и негативных сторон обоих рассмотренных сравнительно-правовых вариантов.

III. Крым и г. Севастополь

Значение сравнительно-правового анализа двух приведенных исторических эпизодов и его концептуализация заключаются, прежде всего, в выделении

¹ В этом смысле изумляет бытующий в нашей литературе сугубо пропагандистский тезис о том, что суды ФРГ применяли за деяния, совершенные на территории ГДР до «воссоединения», наказания по уголовному праву ФРГ не в силу системы монизма, а потому, что они были якобы *априори* «мягче, чем наказания, предусмотренные в УК ГДР», что и позволяет говорить о реализации в Германии дуалистической модели [1, с. 338]. Напротив, западногерманских юристов как раз возмущала определенная мягкость уголовного права ГДР, «одаривавшая», по их выражению, преступников и освобождавшая от наказания в связи с передачей дела в общественные органы, конфликтные комиссии и товарищеские суды в колоссальном количестве случаев (35 % краж, 44 % телесных повреждений, 77 % подделок документов и т.п.), в связи с чем они задавались вопросом, не хотели ли партнеры по «объединению», имея, видимо, в виду восточногерманских политиков, провести «скрытую амнистию» [4, с. 139]. О какой *априорной* большей мягкости уголовного права ФРГ может в такой ситуации идти речь?

двух возможных моделей уголовно-процессуальной интеграции регионов, ранее принадлежавших одному государству, в состав другого государства: модели **дуализма** (когда применяются уголовное и/или уголовно-процессуальное законодательства обоих государств, по крайней мере, по делам о преступлениях, совершенных до даты интеграции) и модели **монизма** (когда применяются уголовное и уголовно-процессуальное законодательства только принимающего государства). Ни одна из них не существует, разумеется, в чистом или, если уголовно, абсолютном виде. Но общий вектор применяемого подхода должен опираться на одну из этих моделей.

Именно вокруг выбора между ними и развернулась основная дискуссия при разработке Федерального закона от 5 мая 2014 г. № 91-ФЗ «О применении положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя». Так, некоторые авторы активно настаивали в тот момент на необходимости *«допустить ограниченное по времени (к преступлениям, совершенным до 18 марта 2014 г.) и в пространстве (к территориям Республики Крым и города федерального значения Севастополя) применение иностранного материального закона (УК Украины)»* [1, с. 340], т. е. призывали построить решение крымско-севастопольской проблемы на основе дуалистической модели (пусть и исключительно в ее материально-правовом преломлении). Но законодатель, как известно, по этому пути не пошел, сделав выбор в сторону противоположной монистической модели, что было абсолютно правильно, учитывая те сложности, с которыми столкнулась Франция в эльзасско-лотарингском случае, не говоря уже о много менее определенном современном геополитическом контексте, заметно отличающемся от эпохи Версальского договора.

Поэтому заложенная в основание ФЗ от 5 мая 2014 г. концепция, если не вдаваться в детали, опирается на несколько принципиальных положений:

1) закрепление модели монизма и полный отказ от дуалистических подходов, причем даже без какого бы то ни было упоминания в тексте российского закона уголовного и уголовно-процессуального законодательства Украины;

2) установление сопровождающего необходимость перевода правовой оценки всех деяний, в том числе совершенных до 18 марта 2014 г., в пространство российского уголовного законодательства жесткого *запрета поворота к худшему*, причем без характерной для случая «ФРГ — ГДР» политизации; применение принципа запрета поворота к худшему вынуждает правоприменителя держать в поле зрения и украинское уголовное законодательство по состоянию на момент совершения преступления, но исключительно в косвенной форме и в крайне ограниченных пределах;

3) процессуальная адаптация всех начатых или

исполняемых производств по уголовным делам к российскому уголовно-процессуальному законодательству с центральной ролью прокурора, которому должны быть переданы материалы всех незавершенных предварительных расследований и судебных разбирательств для их уголовно-правовой оценки по российскому уголовному законодательству и определения дальнейшего движения уголовного дела по российскому уголовно-процессуальному законодательству;

4) признание всех судебных и иных процессуальных решений, включая приговоры в целях их исполнения, вынесенных до 18 марта 2014 г., а также юридической силы всех полученных до этой даты доказательств, что означает их дальнейшую оценку по российскому уголовно-процессуальному законодательству, причем опять-таки без формального упоминания в тексте закона Украины как государства.

Прошедшее с момента принятия ФЗ от 5 мая 2014 г. десятилетие показало оправданность избранных концептуальных подходов, которые не вызвали каких-либо заметных осложнений ни в юридическом плане, ни в плане политическом, невзирая в том числе на пристальное внимание к уголовно-процессуальной интеграции Крыма и г. Севастополя со стороны Совета Европы и ЕСПЧ и учитывая, что в период с 2014 по 2022 гг. для такого внимания были все международно-правовые основания.

Уголовно-процессуальная интеграция с 2022 г. в российское юридическое пространство ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей происходила уже в других правовых условиях. При наличии апробированной крымско-севастопольской модели никаких особых усилий по поиску адекватного сравнительно-правового опыта, его обобщению, концептуализации и т.п. уже не требовалось. Законодатель мог и должен был идти по проторенному пути, что он и сделал. Единственный нюанс заключался в существовании в ДНР и ЛНР своего собственного уголовного и уголовно-процессуального законодательства, признанного Российской Федерацией вместе с признанием в начале 2022 г. независимости этих государств. В отличие от них, на территории Запорожской и Херсонской областей до 30 сентября 2022 г. действовало соответствующее законодательство Украины. Но речь идет о сугубо технических аспектах, требовавших, разумеется, нормативного отражения, но не имевших принципиального значения и не влиявших на саму модель интеграции.

Поэтому Федеральный закон от 31 июля 2023 г. № 395-ФЗ «О применении положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области», в целом, воспроизводит крымско-севастопольский вариант, что лишь доказывает оптималь-

ность последнего. Обращают на себя внимание лишь две «инновации» по сравнению с Федеральным законом от 5 мая 2014 г., объясняемые, видимо, выходом законодателя из-под плотной научной опеки, которая более не требовалась в условиях концептуальной ясности самой теоретической конструкции уголовно-процессуальной модели интеграции и ее сравнительно-правовых оснований. Почувствовав себя более свободным, законодатель решил действовать самостоятельно и чуть «улучшить» крымско-севастопольский вариант, привнеся в него нечто новое.

Так, *во-первых*, в Федеральном законе от 31 июля 2023 г. прямо упоминается Украина и ее законодательство, от чего Федеральный закон от 5 мая 2014 г. в свое время принципиально отказался. Думается, что политически данное упоминание является излишним: основанием проведения СВО (специальной военной операции) и вхождения в состав Российской Федерации новых регионов, помимо прочего, служит отсутствие на территории Украины эффективного государства и эффективной правовой системы, не говоря уже об их откровенной нацистской окрашенности (отсюда необходимость денацификации как цель СВО). Зачем тогда официально легитимировать так называемое «украинское государство» со всеми его атрибутами, включая правовую систему, в федеральном российском законе? Если нецелесообразность этого была понятна в 2014 г., то? что изменилось в 2023 г.?

Во-вторых, крайне странной выглядит «инновация», предусмотренная ч. 2 ст. 2 Федерального закона от 31 июля 2023 г.: «*Не является преступным и наказуемым деяние, ответственность за совершение которого установлена нормативными правовыми актами Украины, если оно содержит признаки преступления, предусмотренного Уголовным кодексом Российской Федерации, но было направлено на защиту интересов Российской Федерации, Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики либо охраняемых законом интересов граждан или организаций Российской Федерации, Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, населения и организаций Запорожской области, Херсонской области*». О чем идет речь? Хотелось бы видеть хоть один пример. Как деяние может содержать признаки преступления по уголовному законодательству РФ и одновременно быть направлено на защиту интересов РФ? Иначе говоря, как деяние, защищающее интересы России, может одновременно считаться в России общественно опасным? Полный нонсенс. Думается, что с законодателем в данном случае сыграли злую шутку глобалистские настроения, в соответствии с которыми якобы существует некое наднациональное, объективное и едва ли не естественное уголовное право, конструирующее признаки преступления безотносительно к национальным интересам тех или иных государств. Именно действие такого уголовного права законодатель и пытается в данном случае осла-

бить или полностью купировать. Но на самом деле его нет и быть не может: уголовное право всегда действует односторонне — исключительно с позиций оценки общественной опасности деяния конкретным государством и полностью абстрагируясь от интересов других государств, у которых есть свое уголовное право. Поэтому никого, например, не удивляет, что лицо, в одном государстве подлежащее ответственности за шпионаж как тяжкое или даже особо тяжкое преступление, в другом государстве будет признано национальным героем, награждено государственными наградами и т.п., для чего не требуется никаких специальных норм, подобных ч. 2 ст. 2 ФЗ от 31 июля 2023 г. Понятно также, что партизаны — герои Великой Отечественной войны, пускавшие под откосы поезда или казнившие «полицаев», формально рассматривались по законодательству нацистской Германии как преступники, что совершенно никого не волновало у нас и не требовало их «освобождения» от уголовной ответственности по законодательству СССР. Сама мысль о такого рода «освобождающих нормах» справедливо рассматривалась бы в то время как кощунство. Что изменилось с тех пор? Думается, что российский законодатель несколько запутался в данном случае в идеологических хитросплетениях современного мира, попав, образно говоря, в «глобалистскую ловушку».

В целом, попытка привнесения некоторых концептуальных «инноваций» (пусть и локальных) в крымско-севастопольскую модель уголовно-процессуальной интеграции новых регионов, предпринятая в Федеральном законе от 31 июля 2023 г., удачной не выглядит. Образцом в этом смысле по-прежнему должен служить Федеральный закон от 5 мая 2014 г., являющийся своего рода отечественным эталоном решения той проблемы, которая в сравнительно-правовой доктрине уголовного и уголовно-процессуального права остается очень трудной и весьма мало изученной.

Список источников

1. Волеводз А. Г., Копылова Е. А. К вопросу о введении в действие УК и УПК РФ в Республике Крым и городе Севастополе : проблемы, применимый опыт и пути решения // Библиотека криминалиста. 2014. № 3 (14). С. 327–347.
2. Волеводз А. Г., Копылова Е. А. Уголовно-правовая интеграция Крыма в Россию — между волюнтаризмом и правом // viperson.ru. 2014. 16 апреля. <http://viperson.ru/wind.php?ID=671196&soch=1>. 12 с.
3. Штаге Д. Становление единства уголовного законодательства после воссоединения Германии // Lex Russica (Научные труды МГЮА). 2012. № 2. С. 410–415.
4. Эзер А. Ассимиляция уголовного права в процессе объединения двух Германий // Государство и право. 1993. № 9. С. 134–142.
5. Code du droit local alsacien-mosellan / sous la dir.

- de E. Sander, J.-M. Woehrling. Paris, LexisNexis. 2024. 1200 p.
6. Gueydan C. La constitutionnalisation du droit local d'Alsace-Moselle et la question prioritaire de constitutionnalité // *Revue française de droit constitutionnel*. 2013. № 4. P. 857–878.
 7. Lorthiois D. Régime local d'Alsace-Moselle: de Bismarck à la régionalisation de la gestion // *Les Tribunes de la santé*. 2006. № 3. P. 57–63.
 8. Pradel J. *Procédure pénale*. 15 éd. Paris, Cujas. 2010. 883 p.
 9. <https://www.senat.fr/questions/base/2015/qSEQ150415521.html> (дата обращения: 19.12.2023).
 10. <https://www.senat.fr/questions/base/2003/qSEQ030205519.html> (дата обращения: 19.12.2023).
- ### References
1. Volevodz A. G., Kopylova E. A. On the issue of the introduction of the Criminal Code and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in the Republic of Crimea and the city of Sevastopol : problems, applicable experience and solutions // *Library of Criminalist*. 2014. № 3 (14). P. 327–347.
 2. Volevodz A. G., Kopylova E. A. Criminal and legal integration of Crimea into Russia — between voluntarism and law // *viperson.ru*. 2014. April 16. <http://viperson.ru/wind.php?ID=671196&soch=1>. 12 p.
 3. Shtage D. The formation of the unity of criminal legislation after the reunification of Germany // *Lex Russica (Scientific Works of the Moscow State Law Institute)*. 2012. № 2. P. 410–415.
 4. Ezer A. Assimilation of criminal law in the process of unification of two Germanies // *State and law*. 1993. № 9. P. 134–142.
 5. *Code du droit local alsacien-mosellan / sous la dir. de E. Sander, J.-M. Woehrling*. Paris, LexisNexis. 2024. 1200 p.
 6. Gueydan C. La constitutionnalisation du droit local d'Alsace-Moselle et la question prioritaire de constitutionnalité // *Revue française de droit constitutionnel*. 2013. № 4. P. 857–878.
 7. Lorthiois D. Régime local d'Alsace-Moselle: de Bismarck à la régionalisation de la gestion // *Les Tribunes de la santé*. 2006. № 3. P. 57–63.
 8. Pradel J. *Procédure pénale*. 15 éd. Paris, Cujas. 2010. 883 p.
 9. <https://www.senat.fr/questions/base/2015/qSEQ150415521.html> (accessed: 19.12.2023).
 10. <https://www.senat.fr/questions/base/2003/qSEQ030205519.html> (accessed: 19.12.2023).

Информация об авторе

Л. В. Головкин — заведующий кафедрой уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

L. V. Golovko — Head of the Department of Criminal Procedure, Justice and Prosecutorial Oversight of the Law Faculty of the Lomonosov Moscow State University, Doctor of Legal Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 09.01.2024; одобрена после рецензирования 26.01.2024; принята к публикации 09.02.2024.

The article was submitted 09.01.2024; approved after reviewing 26.01.2024; accepted for publication 09.02.2024.